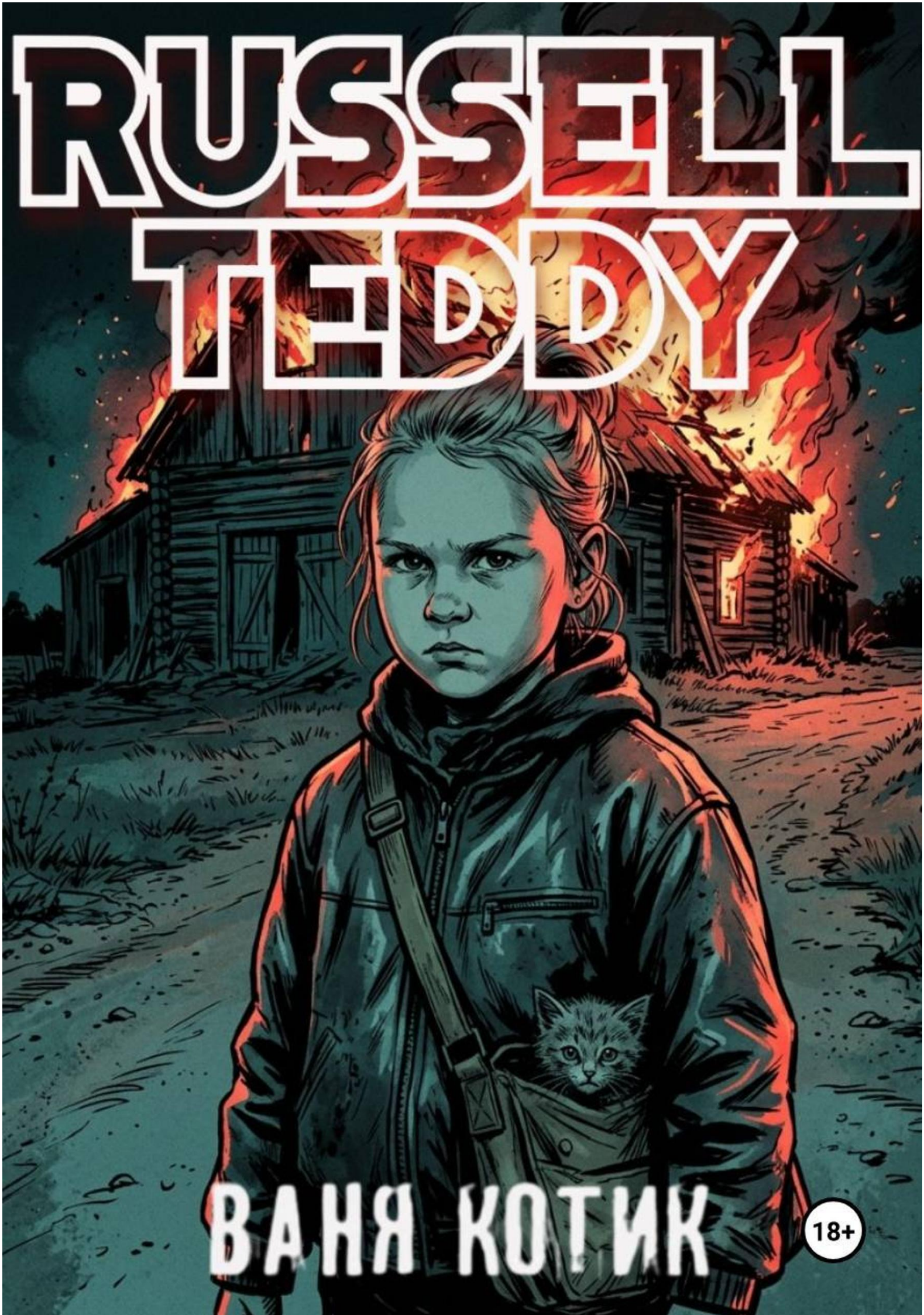
RUSSELL TEDDY

ВАНЯ КОТИК

18+

Ваня Котик

Russell-Teddy

«Автор»
2026

Котик В.

Russell-Teddy / В. Котик — «Автор», 2026

Июль 1953 года. В деревне Ульяново горячая пора — все взрослые с утра до ночи пропадают на дальнем покосе. Шестилетняя Уля и её старшая сестра Галя остаются на хозяйстве: нужно и белье на озере простирать, и за своенравной коровой Карлушей уследить.Всё рушится, когда Карлуша уходит на дальнее болотистое поле, где тракторист недавно вывернул плугом какую-то ржавую железную дуру. Корова не возвращается оттуда. Она больше не реагирует на хворостину, её движения — ломаные механические рывки, а из пасти течет странная зеленая пена. Но страшнее всего её глаза — затянутые мутной белесой пеленой, под которой пульсируют фиолетовые прожилки чужой жизни.Изголодавшаяся послевоенная деревня еще не знает, что, пытаясь спасти единственную кормилицу, она добровольно впускает в свои дома нечто, несущее смертельную угрозу.

© Котик В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1. 5
Уленька из Ульяново 5
Эпизод 2. 9
Литерный рейс 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Ваня Котик
Russell-Teddy

Эпизод 1.

Уленька из Ульяново

— Халя!? Халя! — звонко кричала Уленька, несясь со всех ног к озеру по опушке леса.

Срывая голос на задорный визг, Уленька звала старшую сестру Галю. Отроду Уленьке было шесть лет. Из-за отсутствия передних зубов — молочные зубки только выпали, а коренные ещё не выросли, — она смешно коверкала имя сестры.

На календарях была вторая половина июля. Погода стояла жаркая, и в деревне их, что называлась Ульяново, была горячая пора. Все, кто мог работать, угнаны по колхозной разнарядке на дальние пожни. С утра и до позднего вечера шёл покос. Оно и понятно. Колхозное сено кровь из носу нужно скосить, высушить и убрать до затяжных августовских дождей, иначе скот зимой останется без корма. Само собой, без корма животина передохнет, а деревня без скотины — это, считай, голодная смерть и пополнение на погосте.

Мужиков в селе было совсем мало — годы были непростые, всего восемь лет, как закончилась Великая Отечественная. Поэтому на покосе были заняты все, кто мог держать косу.

А две малютки-сестрёнки были на хозяйстве. Деревня — дело такое: работают все, а кто не работает, тот не ест.

Озеро было тут, совсем рядом. Гале было девять, и сегодня она была на стирке.

Уленьку же, как самую маленькую в семье, отрядили пастушкой на выпас коровы Карлуши. Дело это было нужное, ибо Карлуша имела характер своенравный, а если сказать по правде — весьма дурной. Сама могла с выпаса и не вернуться. Ищи её потом. И так как Карлуша была в их семье главной кормилицей — источником молока и телячьего приплода, — ценность её была в эти далеко не сытые годы огромна. Вот и выходит, что дело, порученное маленькой Уленьке, было наиважнейшим без всякого преувеличения.

— Халя! Халя! — снова закричала Уленька, как только выскочила наконец с опушки к озеру и как показались поодаль деревянные мостки, где сестрёнка занималась стиркой. — Халя! Карлуша! Карлуша ополоумела!

— Ну что ты орёшь как резанная? Что случилось? — отбросив в таз только выполосканную простынь, Галя стояла прямо, уперев руки в бока. Взгляд и голос её были не по-детски строги. Тяжёлый труд — украденное детство.

— Да не ору я, Халя! — Уленька подбежала к мосткам, тяжело дыша и утирая заплаканные глаза грязным подолом. — Карлуша на дальнюю пожню ушла. На ту, где Митька-тракторист на той неделе плугом землю выворачивал. Стоит там как вкопанная. На меня не глядит,

ухом не ведёт. Я к ней с прутиком, мол, пошли, родная, домой, к вечеру собираться пора... А она как зыркнет!

Галя нахмурилась, вытирая мокрые руки о холщовый фартук. Дальнее поле пользовалось в колхозе дурной славой — земля там была тяжёлая, болотистая, а тракторист Митька, раскопав там какую-то ржавую железную дуру под корнями пня векового дуба, три дня ходил сам не свой, пока вовсе не занемог и не слёг с дикой лихорадкой.

— Ну и что, что стоит? — строго спросила Галя, хотя внутри у неё похолодело. — Овод заел, вот и упрямится. Веткой её приложить надо было как следует да за верёвку потянуть.

— Тянула я! — испуганно всплеснула ручками Уленька, и её круглые глаза снова наполнились слезами. — Напряглась вся, за повод дёргаю, а Карлуша будто каменная стала. Тяжёлая, как изба! И тихая-тихая... Даже хвостом не машет, хоть овода её прямо за вымя жрут. А потом она голову опустила, рога к земле прижала да как прыгнет на меня! Бодаться вздумала, Халя! Едва увернулась я, в малинник уползла. У неё изо рта пена идёт, зелёная какая-то, густая... И мычит она... не по-нашему как-то. Словно плачет кто в животе у неё.

Галя молча перешагнула через таз с мокрым бельём и сошла с мостков на сырую озёрную траву. Солнце палило нещадно, зной стоял такой, что воздух над дальним полем дрожал, как над печью. Из-за сенокоса деревня словно вымерла, звать на помощь было некого.

— Пошли, — коротко бросила старшая, хватая с земли тяжёлую хворостину. — Посмотрим, что там за беда с нашей кормилицей.

Солнце пекло макушки девчонок сквозь ситцевые платки, и зной, густой и липкий, казалось, намертво приклеил тишину к болотистой низине. По мере того как сёстры приближались к выворотню у дубового пня, привычные звуки лета — стрёкот кузнечиков и щебетание птиц — начали испуганно отступать.

Карлуша стояла на самом краю развороченной трактором борозды, прямо там, где из рыжего торфа торчал щербатый край ржавого железа.

— Карлуша... — негромко, скорее для собственной смелости, позвала Галя и крепче перехватила хворостину.

Корова не шелохнулась. Она действительно казалась вытесанной из серого грязного камня. Огромные болотные овода облепили её брюхо и вымя, но Карлуша даже не вздрагивала, её кожа не подёргивалась, спасаясь от гнуса.

Галя зябко передёрнула плечами, сделала ещё два шага и замерла. Какая-то неправильность, дикая и противоестественная, была в том, как корова держала голову. Она была опущена слишком низко, почти касаясь мордой чёрной жирной земли, но шея при этом была вытянута вперёд так, словно кости внутри неё удлинились.

— Халя, смотри... — прошептала Уленька, прячась за спину сестры и намертво вцепившись в подол её сарафана. — Гляди, как она...

Карлуша начала двигаться. Но это не было движением живого сытого животного. Корова сделала шаг вперёд, но её ноги переставлялись не по очереди, а как-то одновременно, рывками, будто внутри шкуры ворочались чужеродные, тугие механизмы. Копыто с сухим деревянным стуком ударилось о корень, нога неестественно выгнулась в суставе назад, а затем с хрустом вернулась в прежнее положение. Карлушу качнуло всем корпусом. Она двинулась боком, мелкими, судорожными толчками, словно разучилась ходить, и теперь чья-то злая воля заново заставляла её мёртвые мышцы сокращаться. Из приоткрытой пасти, капая на истоптанный клевер, тянулась густая, пузырящаяся слизь болотного, ядовито-зелёного цвета.

Но страшнее всего были её глаза.

Когда корова, повинуясь очередному внутреннему толчку, резко, со скрипом повернула к девочкам морду, Уленька тонко, испуганно пискнула. У Карлуши больше не было привычных, больших и кротких карих глаз кормилицы. Вся глазная щель — от края до края — была затянута мутной, белесой пеленой, сквозь которую проступал неестественный, глянцево-чёрный блеск. Зрачки исчезли. Вместо них под роговицей, прямо в толще глазного яблока, пульсировала тончайшая, едва заметная сеть фиолетовых прожилок. Они шевелились, сжимались и разжимались в такт какому-то невидимому ритму, словно живой, проросший внутрь моргающий студень.

Взгляд этого слепого, поражённого чужой жизнью существа был направлен прямо на сестёр. И в этом взгляде не было ни безумия, ни ярости бешеного скота. Там было пустое, леденящее душу внимание.

Из глубины её раздувшегося живота раздался утробный, хлюпающий звук — словно в болотной жиже ворочали тяжёлые пузыри газа. Корова замерла. Её передняя нога осталась висеть в воздухе в нелепом изломе. На мгновение фиолетовые нити в пугающих, стеклянных глазах завибрировали вдвое быстрее и вдруг замерли. Их судорожная пульсация прекратилась. Густая зеленоватая слизь перестала сочиться из пасти.

Вокруг воцарилась душная тишина. Даже оводы и слепни, тучами кружившие над животным, больше не садились на шкуру, словно брезговали или чуяли нечто пугающее. Корова не дышала — её бока не вздымались, а из ноздрей не шёл воздух, хотя от самой шерсти, раскалённой внутренним жаром, едва заметно струился прозрачный маревый пар.

— Халя... мамочки... пошли отсюда... — всхлипнула Уленька, зажмуриваясь и всё сильнее оттягивая сестру назад.

Но девятилетняя Галя, привыкшая к суровой деревенской доле и ответственности за главную семейную кормилицу, упрямо сжала челюсти. В пустой деревне, где все взрослые были угнаны на дальний покос, она оставалась за старшую. Бросить корову — значило обречь семью на голодную зиму.

— Погоди, Улька. Стой здесь, — хмуро бросила Галя.

Сделав три решительных шага вперёд, она обошла застывшее чудовище сбоку. Набрав в лёгкие побольше горячего воздуха, девочка звонко на всю опушку крикнула:

— Но-о, пошла! Карлуша, домой! Пошла, окаянная!

Корова не повела ухом. Белесая пелена её глаз оставалась абсолютно неподвижной. Невидящий взгляд устремлён в пустоту прямо перед собой.

Тогда Галя, размахнувшись, со свистом переложила тяжёлую хворостину прямо по крупу коровы. Удар вышел крепким, хлёстким — обычное животное от такого сигануло бы в сторону или испуганно замычало. Но вица отскочила от коровьего бока с глухим, деревянным стуком, словно Галя ударила по высохшему дубовому бревну. Шкура под ударом даже не дрогнула.

Карлуша не повернула головы. Она вообще больше не реагировала на человеческое присутствие. Этот каменный, глухой покой пугал девочек куда сильнее, чем недавняя яростная вспышка агрессии. Корова казалась чужой, мёртвой вещью.

Галя медленно попятилась, выронив хворостину из ослабевших пальцев. Страх наконец пронял и её.

— Бежим, Улька! — испуганно выдохнула старшая, резко разворачиваясь. — Ну её к бесу!

Она подхватила маленькую сестру за руку, и девочки, не разбирая дороги, со всех ног припустили прочь от проклятого дальнего поля. Они неслись через малинник, спотыкаясь о кочки и царапая босые ноги, оставляя позади вывороченный пень старого дуба, вывернутую и поломанную трактором тяжёлую ржавую бочку и замершее серое изваяние, которое когда-то было их любимой Карлушей.

Эпизод 2.

Литерный рейс

Начало июня 1945 года выдалось на Балтике непривычно душным. Ночь укутала тёплым, сырым одеялом аэродром Свинемюнде. В воздухе мешался запах солёной морской воды, мазута и горелого авиационного бензина. По периметру лётного поля тускло поблескивали штыки. Это бойцы 105-го пограничного полка войск НКВД по охране тыла 2-го Белорусского фронта. Ещё бы. Объект был стратегическим и охранялся по высшему разряду. Автоматчики в зелёных фуражках стояли через каждые двадцать метров, замершие, злые, готовые стрелять без предупреждения в любую тень, метнись та со стороны соснового леска.

Военно-транспортный Ли-2 с бортовым номером «ноль-четыре» серой громадой застыл на рулёжной дорожке. Его левый грузовой люк был распахнут настежь. В жёлтом, режущем глаза свете переносных аэродромных прожекторов кипела работа. Хрипели от натуги бойцы аэродромной команды, одетые в засаленные гимнастёрки. Накатывая по широким дубовым слегам, они заталкивали в чрево самолёта тяжёлые двухсотлитровые бочки из толстого немецкого железа. Бочки глухо грохотали по фанерному настилу палубы, после чего бортмеханик с бортрадистом намертво стягивали их стальными тросами и талрепами, налегая всем весом, чтобы груз, не дай бог, не сдвинулся в воздухе.

В пилотской кабине Ли-2, насквозь пропитанной бензином, старым моторным маслом и разогретой на солнце кожаной обивкой сидений, было не продохнуть. Дмитро, командир корабля, устало потёр затёкшую шею и широко, до хруста в челюстях, зевнул. Глаза пекло от вечного недосыпа. Последнюю неделю их транспортный отряд особого назначения гоняли без продыху — полным ходом шла эвакуация трофейного имущества фашистских лабораторий и НИИ, разбросанных по побережью.

— Что там сегодня? — Дмитро лениво крутанул штурвал влево-вправо, слушая, как в тишине мягко отзываются тросы управления рулями. Спать хотелось смертельно, одесский говор от усталости стал глухим и тягучим.

Второй пилот Саша, молодой парень с выгоревшим на солнце чубом, прильнул к блистеру со своей стороны и сплюнул в приоткрытую форточку.

— Да чёрт его знает. Что-то серьёзное, Дима. Смотри вон, особых гостей к нам сегодня органы прислали, — Саша кивнул вниз, на бетонку взлётно-посадочной полосы.

Дмитро придвинулся к стеклу. Там, чуть в стороне от прожекторов, в густой тени от крыла, стояли двое. Капитан войск НКВД в безупречной синей фуражке и портупее, не отрываясь, контролировал каждую бочку, поднимаемую на борт. Рядом с ним, засунув руки в карманы потёртого кожаного реглана, переминался с ноги на ногу хмурый оперуполномоченный из СМЕРШа. Оба молчали, но по тому, как смершевец то и дело поглядывал на карманные часы, было ясно: рейс не просто важный — он литерный, значит, груз имеет чрезвычайную государственную важность и время идёт на минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.